

«соперницы» сопровождают прямые номинации, что закономерно: данные «образные» варианты экономят усилия коммуникантов, имплицитно передавая огромное количество информации без ее кропотливого вербального структурирования: конечно, предпочтительнее пригласить не в Мосар, а в Мосар – белорусский Версаль. Вариативность пронизывает подобные контексты насквозь. *Белорусский Версаль* – это и Мосар, и Ружаны, и Несвиж. Как белорусскую Швейцарию представляют Новогрудчину, Браслав, Раубичи (+ маленькая Швейцария), Логойск (+ маленькая Швейцария), Силичи, Мозырь (+полеская Швейцария, белорусские Альпы), Поставщина – тоже маленькая Швейцария. Шклов и Кобрин борются в текстах за звание маленький Париж. Востребован компонент Венеция: упоминаются в текстах Глубокое – белорусская Венеция, Добруш – белорусская Венеция, маленькая Венеция, Давид-Городок – полеская Венеция, д. Погост Житковичского района – белорусская Венеция, д. Кокорица Дрогичинского района – тоже белорусская Венеция. Весьма привлекательны в текстовой реальности Волковыск и г. п. Красносельский, которые представляются как белорусские Мальдивы. Обращает на себя внимание Белоозерск – белорусский Лас-Вегас.

Владение перифрастическим фондом языка сегодня становится одним из условий успешного существования в мире современной коммуникации. Культурно-исторические и общефоновые пресуппозиционные знания неизбежно оказываются включенными в процесс современной коммуникации: д. Жемыславль Ивьевского района – белорусские Лазенки, Коссово – белорусский Колизей, каменная группа озера Яново на Полотчине – белорусский Стоунхендж, Минск – белорусский город на семи холмах, Браславщина – белорусские фьорды и т. д. Необходимым условием возникновения и распространения в речевой практике носителей языка тех или иных перифрастических единиц, называющих «свои» денотаты, несомненно, является, их внутренняя форма, задающая «настроение», прокладывающая «рельсы» восприятия. Сегодня полное вербальное существование коммуникантов невозможно без владения знаниями по истории человеческой цивилизации и мировой культуры вследствие наличия весомой имплицитной составляющей в информационном пространстве.

Г. Р. Андреева (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия)

ОЦЕНОЧНАЯ ПОЛИСЕМИЯ В АНГЛИЙСКОМ СЛЕНГЕ

Термин «сленг» здесь обозначает лексикон социальных подгрупп и субкультур (что иногда обозначается термином «специальный сленг»). Полисемия в сленге связана со следующим фактором: более уместно говорить не о лексических единицах сленга, а о сленговых значениях отдельных единиц, так как большую часть сленгового лексикона составляют слова, имеющие также стандартные и разговорные значения. Развитие полисемии лексем стандартного или разговорного языка – это один из способов пополнения словарного состава сленга.

Молодежные субкультуры часто переворачивают традиционные ценности. Точно так же сленговые значения слов могут получить коннотацию, противоположную стандартному значению слова. Впервые это было замечено в исследовании афро-американского джазового сленга 1920-х гг., где *killer* ‘убийца’ и *murder* ‘убийство’ стали комплиментом музыканту, а *bad* ‘плохой’ полностью поменяло коннотацию и выражало восхищение (при этом развился вариант сравнительной степени *badder-baddest*). В афро-американском сленге разных лет насчитывается целый ряд подобных прилагательных, где стандартное значение – отрицательная оценка, а сленговое значение – положительная: *deadly*, *fierce*, *vicious*, *wicked* и т. п. Сленговые значения *bad* и *wicked* вышли за рамки афро-американского сленга и стали частью общего молодежного американского сленга.

Можно вспомнить существительное *freak*, которое в стандартном языке означает ‘странный, эксцентричный в отрицательном смысле человек’, в сленге хиппи 1960–1970-х гг. – самоназвание членов субкультуры, а в современном молодежном сленге ‘энтузиаст’ *food freak*. Похожее развитие прошло и существительное *geek*, которое в эпоху Интернета стало обозначать либо любителя высоких технологий, либо человека, фанатично увлеченного популярной культурой, и стало самоназванием этой субкультуры. До середины 1990-х гг. даже в молодежном сленге обозначало человека со странностями в общении. Можно сказать, что первоначальное отрицательное значение *geek* ‘странный’ развило новое положительное значение ‘увлеченный’.

Смена коннотации не обязательно происходит между стандартным и сленговым значением. Иногда слово с положительной коннотацией выходит из моды и приобретает отрицательное значение. В 1960–1970-х гг. одним из самых популярных прилагательных молодежного сленга было *groovy* ‘модный, клевый’, которое настолько устарело в 1980-х гг., что в молодежном сленге приобрело значение ‘занудный’, а в 1990-х гг. частично вернуло свою популярность и опять стало обозначать нечто модное и современное.

Таким образом, оценочная полисемия в сленге связана как со сменой «знака» коннотации при трансформации стандартного значения, так и с модой и устареванием значений, а также с повышенной эмоциональностью сленга.

О. Л. Арискина (МГУ им. Н. П. Огарёва, Саранск, Россия)

ВАРИАТИВНОСТЬ В РУССКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ XVI–XVIII вв.

Вариативность – это признак динамики в языке и мире. Наша работа посвящена изучению вариативности в русской лингвистической терминологии прошлого.

Термин – не просто система из трех компонентов: денотата, сигнификата, экспонента. Термин – динамичная система, причем динамичными могут быть все три ее вершины (экспонент может быть изменен, утрачен, может иметь варианты и синонимы; сигнификат может сужаться и расширяться; денотат